

Юрий СОКОЛОВ, «Известия»

Как это комфортно, когда человека не надо представлять длинно — лауреат премии им. Такого-то... победитель международного конкурса... председатель комиссии при..., и т. д.

Георгий Данелия — вполне достаточно, чтобы любой читатель понял: речь идет не об Эльдаре Рязанове. То же и наоборот.

Всего хорошо обладать именем, которое уже не просто Гия, но еще и работает символом качества. «Пойдем в кино» — это одно, а «пойдем в кино на Данелию» — это совсем другое. На первое предложение хорохорятся: «А что за кино! А почем билеты?..» На второе говорят: «Пошли! А билеты достанем?»

А уж когда прямо в редакцию приходит сам режиссер и нет проблемы билетов — на такой сеанс собираются без опозданий, ашишагом и во всеоружии.

Чтобы не перегружать полосу деталями «спросил Иванов» или «понтересовался Сидоров», мы обезличили наши вопросы, выставив главного героя.

— Скажите, Георгий Николаевич, чем вы сейчас заняты?..

— Кроме приватизации квартиры...

— Да, квартиру приватизировал. И теперь я спокойно делаю кино.

— Позвольте, а раньше вы не делали кино?

— Делал, но беспокойно. Раньше это для меня было мучением. А теперь благом. Теперь я на какое-то время могу думать о картине и только о картине. Оставить там, как Моргагл актер, или не оставить... Или доснать, что он заморгал очередью... Оставить этот ритм или его успокоить... То есть я забываю о повседневных заботах.

— Способ ухода от действительности?

— Да. Способ ухода от прогнозов на завтра, от того, что ждет наших внуков...

— И не думать, что из фильма вырежут?

— Нет, это меня как раз не волнует.

— Да, сейчас, наверное, и не вырезают?

— А когда вырезали, это было, конечно, трагедией... Но иногда и интересно, потому что невозможно было предугадать, что им придет в голову вырезать.

Им!.. Какое емкое местоимение. Прослушивается и Госкино, и площадь Дзержинского, и Старая площадь, и лично очредной дорогой товарищ...

— Как называется ваш новый фильм?

— «Сентиментальная бабайка». Это по рассказу Володина «Происшествие, которого никто не заметил».

— Кто финансирует?

— Кредиты в банке взяли сами.

— А если фильм не окупится?

— Тогда мы обанкротимся и студия закроется. Но до сих пор все окупалось...

— Так. Значит, название известно, что по Володину — известно, что известный режиссер — тем более известно, а кто из известных снялся?.. Кроме Леонова, естественно...

— Ну, Саша Абдулов... Крамаров снялся...

— В роли прохожего американца?

— Примерно. Но он стал самым главным, потому что все время звонят, говорят: «Георгий Николаевич, мы вас так ценим, ваши фильмы, ваше творчество... Не подскажете, как позвонить Крамарову?»

Кинопанорама приехала на съемку... Я даже не знал, что это они. Вижу — кто-то с видеокамерой, мне как раз нужна была в кадре... А они меня сняли крупно и потом показали: «Данелия очень волнуется — придет ли Крамаров на съемку или нет?»

— Наверное, задержался у посла...

ли только сама не состоять из совершенных идиотов, что, впрочем, тоже случается».

Помолчали. Не просто, а со значением.

— А Достоевский, говоря о переходном времени, не намекнул, дескать, этот переход к светлому будущему? — с неуваженной надеждой поинтересовалась слушательница.

Нет, как выяснилось, Федор Михайлович оставил решение этой проблемы на совести и разуме потомков.

— Георгий Николаевич, когда вы кончили Московский архитектурный институт, вы уже знали, что станете режиссером?

— Нет, я не знал. Я даже успел поработать в Гипрогоре и построить в Саратове завод безалкогольных напитков. Видимо, чувствовал, что новое поколение выберет «Пепси»...

— Когда вы делаете фильм, то делаете его как бы для себя или все же для зрителя?

— Конечно, для зрителя. Но

— Тоже несколько растерян.

— В то же время, для одного зри-

теля... Итальянское, французское... Голливуд, наконец, с его красавицами...

— Да. И сколько там имен?..

Пять—семь? Почему на очень многих кинофестивалях наши режиссеры берут призы? Потому что они не были загнаны в эти коммерческие рамки. Конечно, когда коммерческое кино еще и с хорошим сценарием, режиссером и актерами, с точным, а не приблизительным знанием фабулы, — это прекрасно. Коппола снял «Крестного отца» не только по крепкой драматургии, но и точно зная все детали: как стреляют автоматы, как очередь прошивается автомобилем, как льется кровь... То есть мы так знаем, как проходило партсобрание. Если нам надо его снять, мы не фальшивим»...

И все же, прежде чем я нашел-таки этого зарубежного

продюсера для «Паспорта», было много отказов... Говорили: «Вы неизвестный режиссер».

«Как, — говорю, — неизвестный? Вот у меня 60 призов

К сожалению, в последнее время и я, и мои ученики, и мои коллеги меньше думаем о кино — это уже вопрос третий или десятый. Больше думаем о рваных майках. Например, о том, что происходит с «Известиями», нежели о том, что у меня сорвались две или три съемки. Раньше меня совершенно не трогал, скажем, карийский кризис, а волновало — получу ли я для фильма «Тридцать три» машину «Чайка» и двух мотоциклистов или не получу...

— Ну, наверное, вопрос «Известий» вас волнует не столько, как именно «Известий», а как нечто большее?

— Конечно! Конечно, это индикатор, это сигнал.

— То есть и нынешнее время опасно, и назад идти не хочется?

— Давайте выбирать. Какой путь менее кровавый? Назад?.. Чтобы вернуться назад, надо пройти снова весь ГУЛАГ, сажать, унижать, разбираться с республиками... И снова, спу-

Вместе с тем эпизодом. Заплатите — оставим эпизод. Нет — выбросим». Вот и все искусство.

Видимо, искусство торговли опережает сейчас киноискусство, а также драму, балет и даже фигурное катание, занимает все умы и сердца, опорожня карманы. Впору подобно «Оскару» или «Нику» учредить золотого «Меркурия».

— Когда я снимал фильм по «Гекльберри Финну», то, читая литературу, обнаружил такой интересный факт. Оказывается, у Марка Твена сначала вообще были только Гекльберри и вся его эпопея. Но издатель сказал Твену, что если тот не вставит такого персонажа, как Том Сойер, книга не пойдет. И Твен вставил. Так что от того, кто вкладывает деньги, — зависит все, или почти все. А в кино — тем более. Единственная надежда на то, что наши современные продюсеры или спонсоры, называйте, как хотите, став действительно богатыми, захотят еще и престижа, престижного приза... Скажем, в Канне... Или захотят «Оскара». И тогда они научат субсидировать не только кассовый фильм, но и какой-то настоящий... Нет, растут наши спонсоры, растут, — определил Георгий Николаевич, — бывают на фестивалях, чему-то учатся, набираются эрудиции. «Процесс пошел...»

— А вот почему наше кино не берется за сегодняшний день или за события годичной или двухгодичной давности, когда «процесс» не столько пошел, сколько начал уходить?

— Потому, что на фильм нужно два года. За это время он может стать архаикой. Американцы снимают быстро — 8 недель, 6 недель, даже 4 недели. Но все равно на сценарий, на организацию, на монтаж, на все сопутствующие дела уходит года полтора. Это при их стабильности и организованности...

Кроме того, то, что происходит сейчас, или было год назад, требует осмысления, поскольку точно никто не знает, что же на самом деле...

— Такой чисто человеческий вопрос, Георгий Николаевич. Вы упомянули Никиту Михалкова, который еще мальчишкой снялся в вас в «Я шагаю по Москве». Вы поддерживаете какую-то связь, дружбу?

— Ну, видите ли, моя память хранит, что я известный режиссер, а он мальчишка. А в его памяти теперь может укрепиться, что он известный режиссер. А я немолодой грузин...

Нет, конечно, мы с Никитой поддерживаем прекрасные отношения, хотя в силу занятости видимся редко.

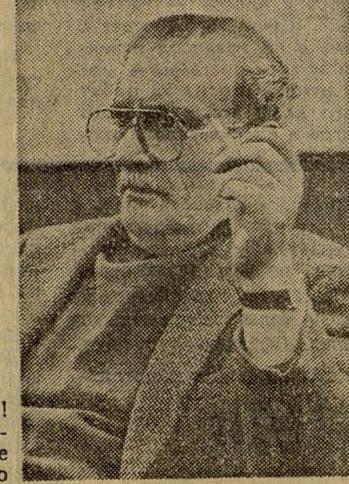
Мы с Георгием Николаевичем видимся еще более редко или, прямо говоря, впервые, и готовы были терзать его своим перекрестным допросом, не один дубль, а несколько серий. Но пора было задавать последний вопрос и получить такой ответ, как точка, выплывающая из глубины экрана и становящаяся словом FIN.

— Георгий Николаевич! Вы чувствуете, что эстетика ваших картин меняется? Или она меняется незаметно для вас, и только ваши друзья, ваши исследователи замечают, что Данелия стал другим? Или вы хотите стать другим?

— Нет, я не хочу стать другим. Хотя, естественно, становлюсь другим... Один классик сказал, что «старость — это осуждение пороков, которым больше не можешь предаваться»...

ГЕОРГИЙ ДАНЕЛИЯ В ГЛАВНОЙ РОЛИ

(ЭПИЗОД В РЕДАКЦИИ, ДУБЛЬ I-й)

Я не знаю — что снимать, как снимать, для кого снимать... У меня выбита почва из-под ног, я не знаю, во что мне верить. Раньше я верил, что добро, в конце концов, должно победить зло... Сейчас эту веру во мне сильно расшатывают.

— Кто? Нувориши? Власти?.. Нравы народа?..

— Все вместе и каждый в отдельности. Я вам принес цитату из «Бесов» Достоевского, я ее вставил в картину.

Читать Георгий Николаевич сам не стал, а попросил нашего коллегу, по-видимому, углядел режиссерским оком, что тот более, чем кто-либо из нас, в это жуткое рыночное время сохранил образ интеллигента XIX века. А может, потому, что он просто сидел рядом. Неважно. Важно, что Достоевский из своего XIX века так достал наш XX и ошеломил нас, что эту нагрузку мы просто обязаны разделить с читателями.

«Я уже намекал о том, что у нас появился разные люди. Для того, чье мнение для меня является вердиктом. Таким человеком был Михаил Ильин Ромм... И, конечно, для меня было очень существенно, когда я недавно узнал, что Феллин, мой самый любимый режиссер, фильм «Не горюй» посмотрел трижды. Это для меня, возможно, ценнее «Оскара»...

Вообще, если продолжить тему кино, я могу сказать, что раньше мы были в тепличных условиях. Да, что-то вырезали, но тем не менее была возможность работать. Снять антисоветскую картину было нельзя. Можно было снять острую картину и получить за это не пальмовую ветвь, а шишку...

— Пальмовую шишку...

— Броде того. Но все равно, даже наши самые опальные режиссеры получали картины. Паджанов — только вышел из тюрьмы и сразу получил картину... Кира Муратова, сколько ее ни гоняли, — получила картину...

— Нет, я про текст, такъ называемых, «передовыхъ», говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто съ глупеши, но все же ст определено более или менее целью.

— Во всяком переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе и уже не только без всякой цели, но даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою из всех силь без покойство и нетерпение. Между тем, эта сволочь, сама не зная того, почти всегда попадает под команду той малой

группы «передовыхъ», которые действуют ст определено целию, и та направляет весь этот соръ куда ей угодно, ес-

на международных фестивалях! Вот, почитайте мировую прессу!..» «Нет, — отвечают, — мы не будем читать. Из ваших только один имеет известность в мировом прокате — это Бондарчук. Его «Война и мир» принесла прибыль 100 миллионов!» «А Тарковского, — спрашиваю, — знает?..» «Как вы сказали? Тарковский? В мировом прокате? Нет, не знаем».

Теперь второй у нас появился международник — Никита Михалков. Но опять-таки там считают, что не в мировом кино, а в европейском.

— А вам вообще удается смотреть кино?

— Увы, я почти его не смотрю, нет времени...

— Как?! Даже «Богатые тоже плачут»?!

— Вот, представьте себе! Кстати, у этого фильма, точнее, у его зрителей, тот же синдром, что в индийском кино. Человек, имеющий одну рупию, скорее пойдет в кино, нежели купит лепешку. Но пойдет на фильм, где широкая жизнь, дворцы, фонтаны...

— Красивые женщины...

— Да. И много вкусной еды, и много сентиментальной музыки, и немного мелких проблем. И он целых четыре часа будет проживать этой жизнью героев в том иллюзии... Бедному человеку не хочется смотреть бедную жизнь, он ею съет по горло...

— А как же итальянский неореализм?.. Лачуги, рваные майки?..

— Ну, итальянский неореализм был прежде всего новым словом в кино...

— Да и женщины там были очень красивыми... Особенно в рваных майках...

— Я смотрю, здесь у вас уже трижды прозвучало насчет красивых женщин. Значит, не все еще потеряно и не одна чернуха вокруг...

— Но мировое же кино суще-